

О. Д. Рустемов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время, после долгих лет официальных и неофициальных запретов крымскотатарское языкознание развивается интенсивно и несколько спонтанно. Наиболее значимые практические разработки сводятся прежде всего к переводу и физическому описанию исторических хроник и документов [Сейтягьяев 2009], образцов художественной литературы [Керимов 1995; Абдульваапов 1999] и публицистики [Киримов 2012]. Предпринимаются попытки составления терминологических словарей [Рустемов 2013]. Однако для практического функционирования современного крымскотатарского языка актуальными являются теоретические изыскания в различных сферах частного крымского языкознания для разработки внутренних принципов структурных построений и стратификации как диахронических, так и синхронных языковых элементов в границах описаний функциональных стилей.

Поэтому представляется необходимым очертить основной круг вопросов крымскотатарской исторической стилистики и определить направление исследований в этой области.

Исследовательские задачи сводятся к подбору и описанию характерных стилистических черт различных типов документов, которые можно рассматривать как иллюстрацию эволюции функциональных стилей. Решение данных задач подразумевает рассмотрение исторических процессов крымскотатарской стилистики в сравнении с общим ходом развития как европейской, так и тюркской, прежде всего турецкой, стилистики для разработки оптимальных методов решения локальных вопросов крымской лингвистики.

В истории развития европейских, в том числе украинского и русского, языков можно наблюдать устойчивые попытки стилевого расслоения речевых средств. Первые официальные записи в Англии появились в начале VI века. Украинские летописи, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о том, что «уже в X веке в Древнерусском государстве практиковалось составление

официальных документов” [Щирова, Гончарова, 2007, 31]. Такими первыми “документами, зафиксированными в летописи, являются тексты договоров русских с греками 907, 911, 944 и 971 гг.” [Щирова, Гончарова 2007, 31]. В XI в. был составлен и первый свод законов Киевской Руси “Русская правда”. Все указанные памятники позволяют утверждать, что деловые документы на Руси появились сразу после введения письменности, а сама система юридической и общественно-политической терминологии была развита на достаточно высоком уровне. В свою очередь данный факт указывает на важность сферы делового общения и необходимости выделения делового языка в отдельную функциональную форму письменной и устной речи.

С течением времени на Руси развитие делового письма во многом было стимулировано деятельностью первых государственных учреждений – приказов, действовавших в период с XV по XVII вв. В XVIII столетии для развития и понимания стилистических особенностей русского языка много сделал выдающийся русский ученый М. В. Ломоносов.

Первые письменные свидетельства тюрков относятся к VI–VIII вв. н. э., а в IX веке в уйгурском каганате уже имелась развитая историография в виде летописей, делового письма, отраженного во многих юридических документах, и религиозная литература [Малов 1926; 1951]. Принятие Ислама в XI веке в государстве Караханидов послужило толчком для развития новой тюркской литературы – дидактического и религиозно-философского содержания, стали появляться словари (Махмуд Кашагари). В Крымском Ханстве, ставшим преемником Золотой Орды в государственном устройстве, а также в области литературных традиций, помимо собственно художественной литературы, был развит канцелярит, а также жанры философского (в том числе религиозного), исторического и научного трактата. В более поздний период золотоордынские письменные традиции были обогащены и в дальнейшем эволюционировали под непосредственным османским влиянием. В середине XIX в. сначала в Турции, затем в Крыму и других тюркских регионах Российской империи начинает появляться публицистика. Все это послужило отправными точками для формализации функциональных стилей в крымско-татарском языке в диахроническом контексте.

Данная краткая ретроспектива в историю тюркской письменности в параллелях с украинской и русской и дает возможность говорить о таких видах научной стилистики, как синхронная и диахроническая, подчеркивая в ней два важных аспекта – современное состояние и функционирование стилистики, и ее историческое развитие. Цели и задачи рассматриваемых аспектов являются разными.

Отечественная синхронная стилистика существенно продвинулась в области разграничения таких сфер, как структурная стилистика, стилистика речи, поэтическая стилистика. Благодаря работам Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, В. Г. Домбровского, Р. А. Будагова, И. И. Огиенко [Домбровский 1923; 1924; Будагов 1967; Огиенко Г. Г. 1995] и др. определены основные направления и параметры классификации стилей, разработаны эффективные методы и приемы стилистического анализа на самом разнообразном речевом материале. Конец XX века ознаменовался более глубоким и направленным изучением стилистических явлений в соответствии с местом стилистики в общей системе филологических направлений как отдельной дисциплины, размещающейся в пограничной зоне между лингвистическим и литературоведческим восприятием текста. Однако при всей очевидности успехов описательно-теоретической, синхронной стилистики современных европейских языков в ней еще остается много проблем, требующих разработки. Это касается “уточнения объема предмета и задач ее, фронтального описания состава языковых средств каждого из важнейших стилей в их динамике, структурно-функционального взаимодействия между ними, соотношенности их с проблемами культуры речи общества в аспекте его социальной, производственно-профессиональной и пр. дифференциации” [Тарланов 1990, 5].

Не совсем прояснены некоторые вопросы в области диахронической или исторической стилистики. Долгое время неуточненным оставался предмет изучения в исторической стилистике, насколько правомерно описывать стилистику безотносительно к эпохе, то есть в некоторых универсальных категориях, или эти описания должны меняться при рассмотрении материалов разных исторических эпох? Каковы могут быть параметры описания этой стилистики, и пр.

Непосредственно термин “историческая стилистика” впервые прозвучал в работе Г. О. Винокура “О задачах истории языка” (1941 г.), в которой ученый, определяя функциональные особенности стилистики, связывает ее с историей языка. В частности, он писал: “Перед нами новая проблема истории языка... Она составляет содержание лингвистической дисциплины – стилистики, поскольку речь идет об истории языка – исторической стилистики” [Винокур 1955, 222]. Исходя из содержания этого высказывания, следует, что историческая стилистика эволюционировала в общем русле истории языка. Это обусловило смешение понятий – история литературного языка, по сути, и есть история стилистики. Прошло не одно десятилетие, пока в научных работах таких выдающихся лингвистов, как Б. А. Ларин, А. И. Ефимов, Р. А. Будагов, Б. Н. Головин, не было убедительно доказано, что история развития литературного языка априори изучает историю становления и особенности развития языковой нормы. В то время как “историческая стилистика исследует не только историю стилистических средств, но и закономерности функционирования языка в различных сферах общения на разных исторических этапах его развития” [Трофимович 2011, 64]. В своих дальнейших исследованиях в области исторической стилистики крымскотатарского языка мы будем придерживаться данного определения практических задач частного крымского языкознания.

В тюркской лингвистике нет исследовательских работ, которые можно интерпретировать как цельное описание истории развития стилистических средств. В этой связи можно говорить лишь о трудах, в которых объектом изучения был авторский стиль одного писателя или стилистические особенности определенного языкового явления, языкового уровня. Примером может служить монография известного языковеда-тюрколога Э. Р. Тенишева, в которой он обращает внимание на факты становления религиозного стиля в поэзии уйгуров X–XI вв. [Тенишев 1989]. В свое время отличительные особенности выразительности и экспрессивности лексического строя тюркского языка отметил в своем бессмертном труде “Тяжба языков” известный поэт Герата Алишер Навои. В частности, он отмечал необычайную живописность и образность тюркского языка в сравнении с персидским, говорил об идиоматичности многих понятий и исключительной терминологи-

гической полноте и развитости в наименовании различных сфер жизни. Прежде всего, это касается военной терминологии, классификации и номинации объектов животного и растительного мира, и чувственно-эмоциональной лексики [Навои 1979].

Из работ последнего времени, так или иначе касающихся вопросов исторической стилистики тюркских языков, в частности на материале документов Золотой Орды и Крымского Ханства, наиболее значительными являются научные публикации Усманова М. А., польского исследователя Дариуша Колоджейчика и стамбульского тюрколога Мелек Озьетгин [Усманов 1979; Özyetgin, 1996; Kolodziejczyk 2011]. В них представлены тексты ханских ярлыков и образцы дипломатической переписки золотоордынских правителей, исследованы стилистические особенности ряда отдельных документов. В том же ключе и на схожем материале выполнена работа и турецкого ученого Нимета Курата Акдеса, посвященная транслитерации, переводу и структурному анализу ярлыков и битиков Золотой Орды, Крыма и Туркестана [Kurat 1940].

В области синхронной стилистики тюркских языков на сегодняшний день осуществлены отдельные разработки, посвященные выборочным стилистическим феноменам в разных тюркских языках. Например, на уровне докторской диссертации освещены вопросы официально-делового стиля в современном татарском языке [Тимерханов 2006]. К вопросам литературно-художественного стиля в современной литературе крымских татар обращалась Э. Меметова [Меметова 2001]. Этот ряд можно продолжить исследованиями в области синхронной стилистики, но все они касаются одного стиля или стилистического феномена. Например, стиля современной публицистики в Узбекистане или языка юридических документов официально-делового стиля в турецком языке [Özyüldüğü 1999].

В тюркском мире нового времени, как и в предыдущие эпохи, наиболее распространенными лингвистическими трудами были грамматики. Крым не был исключением, несмотря на неблагоприятную политическую ситуацию. После долгих лет печатного и книжного “молчания”, последовавшего за аннексией Крыма Россией в 1783 г., процесс написания грамматик был реанимирован благодаря деятельности И. Гаспринского – выдающегося

крымского общественного и политического деятеля, реформатора, учителя, писателя и публициста. В 1909 году в Бахчисарае была издана едва ли не первая школьная грамматика крымскотатарского литературного языка [Sarf-ı Türki 1909]. По сути, литературный язык того периода продолжал оставаться османским, но уже со значительной долей “демократичности”, то есть был в значительной степени облегчен от арабской заимствованной лексики, и заметно отличался от языка, например, кадиаскерских сиджилий.

“Правила тюркского языка” (*Qavaid-i Lisan-ı Türki*) М. Абдулькядыра [Abdu'l-Qadir 1914], созданная через пять лет после предыдущего пособия, также была грамматикой османского языка. Изложение материала здесь дано более подробно, концепция изложения повторяет издание 1909 года. Приведенная языковедческая терминология сплошь арабского происхождения, представление разделов речи, логика в классификации разрядов имен существительных, прилагательных почерпнута из традиционного арабского языкознания. В брошюре присутствует раздел о “хуруф-и шемсие” и “хуруф-и камерие” (“солнечные” и “лунные” буквы арабского алфавита) [Abdu'l-Qadir 1914, 12] – знания, необходимые для построения изафетных конструкций, являющихся особенностью арабской и, соответственно, классической османской речи. Примечательно, что в обоих случаях в заглавии говорится о “правилах” или “грамматике” тюркского языка, что соотносимо с турецким языком данного периода. Данный факт наглядно свидетельствует об устойчивой ориентации крымскотатарской литературной нормы на литературный османский язык, включая и новое время.

Собственно крымскотатарская грамматика была опубликована уже в КрАССР известным крымским ученым-тюркологом Бекиром Чобан-заде. Несмотря на то, что его монография 1925 года “Qırımtatar ilmiy sarfi” [Чобан-заде 2003] написана арабским алфавитом (пореформенным и уже заметно адаптированным к фонетике тюркского языка), структура, содержание и способ описания крымскотатарского языка в ней приблизились к стандартам и схемам грамматических и иных норм, традиционных для тюркских языков. Помимо привычных разделов, принятых в научных трудах подобного жанра, ученый вскользь касается и

вопросов стиля, в частности, в области произносительной нормы: “Qırımatarca’da ümümiyetle kitabiy, yani oqumuş adamlar’ğa mahsus bir telâffuz bardır ki, daima qalın sesli sözlerini ince sesliler’ge çevirir” (В крымскотатарском книжном и вообще образованным людям свойственно такое произношение, когда они повсеместно широкие гласные обращают в узкие) [Чобан-заде 2003, 45]. Подобную ситуацию можно наблюдать, например, в таких нарушающих закон тюркского сингармонизма словах, как: bağca – bahçe; aqça – akçe, para – pare, qara – qare; yar’a – yar’e; qaşlar – qaşler и т. п. В разделе, посвященном турецкому языку, автор говорит о подобном языковом явлении, когда благодаря схожим процессам, стамбульский диалект выгодно отличается в плане изящества и тонкости произношения от диалекта азиатского [Чобан-заде 2003, 99]. Причем в стамбульском варианте артикуляционными изменениям подвергаются не только гласные, но и согласные звуки. Однако, как следует из общего хода рассуждений Чобан-заде, процесс качественного перехода заднеязычных широких гласных в среднеязычные узкие, сопровождающийся смягчением предшествующих согласных, отмечен ученым еще в Кодексе Куманикусе, словаре крымского кыпчакского наречия начала XIV века. Таким образом, описанная фонетическая особенность крымскотатарского языка развилась в нем не обязательно под влиянием стамбульского городского койне, ее можно рассматривать и как явление собственно крымской речи.

В Крыму не единожды происходила смена языковых и культурных приоритетов, однако лингвистические процессы первой трети XX века случились за феноменально короткое время. В течение двадцати лет крымскотатарский язык отказался от османизированной литературной нормы в пользу разговорного языка, условно говоря, диалекта “срединной полосы” (“orta yolaq” или “orta bölge”), который до середины 20-х годов XX века имел короткую и совершенно незначительную историю своей книжной формы. В качестве примеров письменного употребления данного языка дореформенной поры можно привести довольно удачные газетные статьи Абибуллы Одабаша, опубликованные в газете “Миллет” в 1917–1919 гг. [Киримов 2012]. Отступления от нормы, базировавшейся на стамбульском письменном языке, целенаправленно позволяли себе патриотично настроенные крымские

поэты, такие как Бекир Чобан-заде, Амди Гирайбай, Дж. Керменчикли и другие. Но эти художественные “протесты” против набирающей силу идеи пантюркизма в Турции в XIX–XX вв., с жесткой ориентацией на турецкий язык и культуру, носили не повсеместный характер. Языком науки, политики и законодательства по-прежнему оставался турецкий.

Гораздо более значительные перемены произошли после советизации Крыма, когда разговорный крымскотатарский язык начал синхронизироваться с письменной формой. Однако эти перемены носили законодательный характер, были внешними по отношению к языку и являлись, по сути, результатом языковой политики. Данные процессы создали разрывы в языковой преемственности и нарушили естественный ход развития языка. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, что письменный крымскотатарский язык, пришедший на смену османско-турецкому, не имел до этого в диахронии своей эволюции прецедентов использования. Возможно, смена различных литературно обработанных форм языка еще никогда не была столь молниеносной и однозначной, но подобные переходы уже имели место в истории литературного крымскотатарского языка. Для возможности интерпретации парадигм книжного крымскотатарского языка необходимо воспроизвести своего рода историческую периодизацию с учетом различных культурно-языковых традиций, которые доминировали в письменной речи крымских татар в разные эпохи. Естественно, что такой анализ крымскотатарского письменного наследия следует рассматривать в ареальном контексте, не забывая, однако, и того факта, что формирование крымскотатарского языка связано с общетюркскими языковыми процессами, происходившими и за пределами Крыма.

1. XI–XV вв. – кыпчакский (западно-кыпчакский, куманский) язык. Из письменных памятников этого периода выделяется словарь “Codex Cumanicus” (XIII в.), вместе с образцами текстов, прежде всего, религиозного содержания. Этот же язык в качестве основы этнолекта фигурирует в многочисленных армяно-кыпчакских памятниках, опубликованных и достаточно подробно описанных известными отечественными тюркологами Д. И. Груниным и А. Н. Гаркавцом [Гаркавец 2007; Грунин 1996]. Язык памятников, как и переводы на кыпчакский язык религиозной

христианской литературы, отличается простотой и архаичностью, а по строю речи его можно соотнести с тюркским языком рунических надписей в честь Кюль-Тегина или Бильге Кагана. В этот период в кыпчакском языке Крыма, ставшем впоследствии ядром литературного крымского тюркского языка, находилось относительно небольшое количество арабских и персидских заимствований, и он в большей степени состоял из исконной тюркской лексики. Приток заимствованной лексики усилился с момента возникновения в Египте государства мамлюков (XIII–XVI вв.), большая часть военной аристократии которого и собственно султаны происходили из тюрков-кыпчаков северных причерноморских степей. О том, что язык мамлюкского государства Египта был кыпчакским, соотносимым с тюркским языком Крыма, свидетельствуют многие литературные памятники, сохранившиеся арабо-тюркские словари и косвенные персидские источники [Тизенгаузен 1941]. В его более позднем варианте наблюдалось также заметное влияние туркменского, огузского языков и восточно-кыпчакского языка Хорезма [Наджиб, Благова 1997].

В среде кыпчаков мамлюкского Египта появилось большое количество произведений художественного характера, часть из которых дошла до наших дней. Например, поэма “Хосров и Ширин” (1383 г.), написанная на восточно-кыпчакском языке, соотносимом больше с тюркским языком Хорезма [Наджиб, Благова 1997]. Рукопись находится в Парижской национальной библиотеке. Автор произведения тюрк Берке Раких. В числе наиболее известных писателей эпохи можно указать Сейф Сараи, также кыпчака из Дешта, автора знаменитого месневи “Гулистан-и бит-тюрки” (“Гулистан по-тюркски”), созданного по мотивам “Гулистана” Саади и явившегося своеобразным ответом (назире) прославленному персидскому поэту. Язык этого произведения ориентирован на кыпчакский язык Дешта. Другое значительное произведение на крымском варианте тюркского языка Египта – “Искандер-наме” – произведение XIV в., повествующее о походе Тимура в Анатолию и пленении им турецкого султана Баязида Йылдырыма. Среди тюркских писателей, переселившихся из оккупированных монголами и татарами территорий, было много выходцев из Крыма: Рукн ад-Дин Аль-Кырыми, Ибн Мухаммад Аль-Кырыми, Берке Факих и другие [Миннегулов 1993]. Помимо

словарей и собственно литературных памятников, наследием эпохи мамлюкского Египта явились сборники по фыхху (праву), книги путешествий и некоторые научные трактаты. В основном вся эта литература была переводной с арабоязычных источников. Таким образом, данный этап характеризуется сложением западно-кыпчакской книжной нормы, которая в пору своего высшего расцвета в художественном плане была ориентирована на иранскую литературу (Сейф Сараи), а в области науки, юриспруденции и философии – на арабские письменные традиции. Это нашло отражение в художественных и деловых жанрах, в традиционных фигурах поэтической речи, в терминологии, моральных и нравственных ориентирах, значительно смещенных от собственно тюркских морально-этических представлений.

2. Параллельная языковая традиция XII–XIV веков. Приблизительно к обозначенному выше периоду относится заселение Крыма турками-сельджуками. Осман Акчокраклы обращает внимание на характерные для сельджукской Турции архитектурные детали в развалинах Кырык Йера¹: “Здесь же в нижнем слое найден блок от портала мечети... с... орнаментом, очень характерным для татарских памятников XIV в. Таким образом, портал по своей композиции и орнаментации является типично тюрко-сельджукским” [Акчокраклы 2006, 284]. Туркменское влияние прослеживается также и в позднем мамлюкском Египте [Наджиб, Благова 1997]. Из характерных письменных памятников можно назвать знаменитую поэму “Къысса-и Юсуф иле Зулейха”, написанную Махмудом Кырымлы. Язык поэмы является турецким, то есть огузским, что убедительно доказал и представил в ряде своих работ крымскотатарский ученый Кемал Конурат [Конурат, Интернет-ресурс]. В пользу того, что на полуострове в этот период функционировал сельджукский турецкий язык, свидетельствует лексика словаря Кодекс Куманикус, где целый ряд лексем имеет дублиеты или синонимы как кыпчакского, так и огузского происхождения [Рустемов 2012; 2014]. Таким образом, следует отметить историческую обусловленность наличия в Крыму двух тюркских диалектных полюсов: кыпчакского (северного)

¹ Современное городище Чуфут Кале в окрестностях Бахчисарая – одна из первых ставок ордынских ханов в Крыму. Более древнее название городища “Къырыкйер / Къыркйер” (О. Рустемов).

и огузского (южного). Впоследствии влияние южного, огузского крымского языка было усилено включением южнобережного Крыма в состав Османской империи в виде турецкого санджака с центром в Каффе, а также распространенностью в Крымском Ханстве османского языка в качестве литературной нормы.

3. XIV–XVI вв. – период, который в истории письменного крымского языка был связан с образованием в Крыму самостоятельного государства – Крымского Ханства, отколовшегося в результате войн и борьбы за власть от Золотой Орды. Золотоордынские письменные традиции практически без изменения существовали в Крыму на протяжении двухсот лет и только потом были вытеснены османским языком. Стилистика, язык, литературные приемы, риторика деловых документов этого времени основаны были на тюркском книжном языке Уйгурского Каганата. Тюркский язык государства Караханидов не был востребован в империи Чингизидов, так как само это государство в ходе тюрко-монгольской экспансии вглубь Средней Азии было разрушено. Уйгурский язык указанного периода был достаточно развитым и многофункциональным. На тот момент в нем также существовало большое количество заимствований из китайского языка (чай, чанакь, чинь (истина), бек, тань, иш и т. д. [Баскаков 1987]), впоследствии вошедших во многие тюркские языки, полностью утратив в них свою “чужеродность”. До наших дней дошло множество текстов на древнеуйгурском языке, имевшем свой алфавит, который базировался на согдийском письме. Образцы уйгурского письма можно было встретить и в более позднюю эпоху существования Золотой Орды, например, в известном ярлыке Хана Тохтамыша, описанного Березиным [Березин 1851]. По классификации Баскакова, древнеуйгурский язык принадлежит к восточно-кыпчакским языкам и характеризуется рядом отличительных признаков, которые с легкостью обнаруживаются в текстах ярлыков крымских ханов.

4. XVI–XIX вв. – период османского литературного языка и литературной традиции. Художественная литература, документы официально-делового и научного характера этого времени, за некоторым исключением (фольклор, отдельные речевые элементы в оригинальных произведениях или в отдельных ханских ярлыках), воспроизводят письменную культуру Османской Турции.

К этому периоду относится также появление целого ряда образцов делового письма юридического содержания, объединенных в специальных актовых или реестровых книгах судов Шариата – сиджилях, называемых также “кадиаскерские тетради”.

5. XIX – начало XX века (до 1919 г.). Период нового крымскотатарского языка, ознаменованный литературной, просветительской и публицистической деятельностью известного реформатора, мыслителя, общественного деятеля, писателя И. Гаспринского и целым рядом его последователей. Данный этап характеризуется попытками реформирования языка в области его приближения к тюркской лексической основе и синтаксису, хотя в произведениях самого Гаспринского влияние османской литературной нормы являлось преобладающим (см. например: И. Гаспринский “Мола Аббас” [Керимов 2001]). Состав языка в эпоху Исмаила Гаспринского менялся не сразу, но заметными темпами, что можно проследить по публицистике того времени, газетам “Терджи-ман” и “Миллет”.

6. 1919–1939 гг. – короткий, но очень продуктивный период в истории крымскотатарской письменности и литературного языка. Он начался с относительной свободы для крымских татар во время созыва 1-го Курултая и создания независимого крымскотатарского правительства, просуществовавшего приблизительно с ноября 1917 г. по 1921 г., когда в Крыму окончательно установилась власть большевиков. Независимое крымское правительство представляло собой Национальную Директорию, состоящую из разных комитетов или отраслевых директорий, которые можно соотнести с министерствами. В Государственном Архиве АР Крым (ГААРК: Фонд Р-998) сохранились подшивки различных документов, относящихся к деятельности этих ведомств с 1917 по 1920 гг. В них отражены многочисленные языковые процессы, в том числе и попытки воспроизведения строгого делового стиля официальных бумаг в период деятельности Национальной Директории. В те же годы осуществлялась деятельность судов первой инстанции (*Bidayet mahkemeleri*), относившихся к ведению Дирекции Юстиции и Крымского Муфтията. В упомянутом архиве находится большое количество официальных бумаг, связанных с этими судами. Среди них можно обнаружить повестки в суд, протоколы судебных заседаний, допросов, тексты постановлений,

официальных запросов, судебные решения, и пр. [ГААРК: Эв-рак / Дело № 198; 205]. Интерес вызывает стиль представленных документов, где заметна работа над терминологией в складывающихся новых политических условиях. Крымскотатарский язык обнаружил в это время гибкость и полифункциональность, наличие внутренних ресурсов для обслуживания самых разнообразных коммуникативных сфер. Во многом этот период явился пиковой формой эволюции крымскотатарского языка в новых условиях, эпохой его расцвета, временем поиска новых форм, новых средств выражения, временем словотворчества. Справедливость данного утверждения вытекает из наблюдений над динамикой развития, например, юридического подстиля официально-делового стиля крымскотатарского языка (см. текст постановления 1919 г. [Рустемов 2013]). В большом количестве в указанное время переводились различные директивы, резолюции партийных съездов, законы и редакции текстов Конституции. Со многими из этих документов можно познакомиться в фонде редкой книги библиотеки им. Гаспринского в Симферополе. Некоторые арабграфические тексты [Рустемов 2012; Тенишев 1989; Тизенгаузен 1941] транслитерированы на современную латиницу [Рустемов 2014]. Отличительной приметой периода было бурное развитие художественной литературы и публицистики, что также вело к устойчивому развитию соответствующих стилей письменной и устной речи. Однако к концу тридцатых годов стала наблюдаться отчетливая тенденция к русификации языка, его отрыву от последней османской традиции и переориентирование на степные диалекты, что поставило крымскотатарский язык на один уровень с бесписьменными или младописьменными тюркскими языками. Эта тенденция проявилась как в художественной литературе, так и в письменной речи научной и официально-деловой литературы [Рустемов 2014, 37–39].

7. 1955–1990 гг. Этот период в истории развития крымскотатарского языка связан с трагическими событиями депортации крымских татар в Среднюю Азию и Поволжье. Языковая ситуация данного периода уже описывалась нами [Рустемов 2014, 39–41]. Долгое время находившийся вне официального применения крымскотатарский язык утратил многие из своих внутренних

природных механизмов словопроизводства, традиционных направлений метафоризации, сместив свои сравнительные ориентиры в русское иносказательное поле. Под воздействием узбекского и русского языков изменилась фонологическая норма, были русифицированы терминологические базы. Крымскотатарский письменный язык в течение почти сорока лет реализовывался исключительно на страницах единственной газеты “Ленин Байрагы” (Ленинское знамя). Указанный период является одним из самых разрушительных для крымскотатарского языка на всех его уровнях. Естественно, что никакого развития в области стилистики не происходило, наоборот, сложившиеся стилистические нормы забывались, утрачивались и заменялись многочисленными иноязычными вкраплениями. Эти события происходили на фоне бурного развития функциональной стилистики в тюркских национальных государствах – бывших республиках СССР, то есть в тех языках тюркских народов (азербайджанский; казахский; киргизский; туркменский; узбекский), которые, согласно классификации Н. А. Баскакова, относились к 1-й группе. Сегодня это независимые государства, где национальные языки функционируют во всех сферах современной коммуникации.

В настоящее время крымскотатарский язык остро нуждается в реанимации остановленных в сталинское время дискуссий и направленной языковой политике, которая бы содействовала восстановлению и дальнейшему развитию. К наиболее острым лингвистическим проблемам следует отнести возврат алфавита на латинскую основу, что позволит вернуть утраченную произносительную норму, восполнение лексической и терминологической недостаточности, а также практические разработки в области современной функциональной стилистики. Однако для подобной работы необходимо восстановить весь ход эволюции литературной нормы и исторической стилистики в Крыму. Этот процесс подразумевает обращение к источникам, выявление всех типологических черт книжного языка в различных жанрах и стилях. Подобные исследования дадут возможность более точно и конкретно определить письменные традиции крымскотатарского языка и вывести некие парадигмы его естественного развития в настоящем и в прогнозируемом будущем.

ЛИТЕРАТУРА

Абдульваанов Н. Р. Gülsen hayalları. (Грезы розового сада) пер. С. Дружинина. Симферополь, 1999.

Акъчокъракълы, Осман. Чуфут-кале. (По материалам раскопок 1928–1929 гг.) // Осман Акъчокъракълы. **Эсерлер топламы.** Тертип эткен ве неширге азырлагъан И. А. Керим. Симферополь, 2006.

Баскаков Н. А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // **Turcica et Orientalia.** Studie sin honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday. Istanbul, 1987.

Баскаков Н. А. **Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация.** Ашхабад, 1988.

Березин И. **Тарханные ярлыки Тохтамыш, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями.** Казань, 1851.

Винокур Г. О. О задачах языка // Г. О. Винокур. **Избранные работы.** Москва, 1955.

Гаспринский И. “**Мола Аббас**” / Вступительная статья, сбор, транслитерация, компоновка и комментарий к тексту Керимов И. А. Т. 1. Симферополь, 2001.

Гаркавец А. Н. **Кыпчакское письменное наследие II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков.** Алматы, 2007.

Грунин Т. И. **Документы на половецком языке 16 века (судебные акты Каменец-Подольской общины).** Москва, 1967.

Домбровський В. Г. **Українська стилістика і ритміка:** Підручник для серед. шкіл і для самонавчання. Львів, [б.в.], 1923.

Домбровський В. Г. **Українська поезика.** З додатком: Про найважніші роди прози: Підручник для середніх шкіл і для самонавчання. Перемишль: [б.в.], 1924.

Керимов И. А. **Къырымтатар эдебияты.** Къулламанмадерслик. Акъмесджит, Къырымдевокъувпеднешир, 1995.

Киримов Т. Н. **Millet cevherleri.** Hrestomatiya. Симферополь, 2012.

Конституция Крымской автономной республики 1938 года / Qrım Avtonomijalь Sovet Sotsialistij Respublikasьnь Konstitutsijasь. Simferopol, 1938.

Конурат Кемал. К истокам крымскотатарской литературы. Две поэмы о Юсуфе. Интернет-ресурс: <http://turkolog.narod.ru/info/1209.htm>

Къанун Эсасысы (Конституция). Русия Сосиалист Федератиф Шуралар Джумхуриети Къанун Эсасысы. Акъмесджид, 1925.

Малов С. Е. Образцы древнетюркской письменности с предисловием и словарем. Ташкент, 1926.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. Москва – Ленинград, 1951.

Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань, 1993.

Навои А. Суждение о двух языках // Алишер Навои. **Собрание сочинений в 10 томах.** Т. 10. Ташкент, 1970.

Наджип Э. Н.; Благова Г. Ф. Мамлюкско-кыпчакский язык // **Языки народов мира. Тюркские языки.** Институт языкознания РАН. Бишкек, 1997.

Огієнко І. І. Історія української літературної мови. Київ, 1995.

Рустемов О. Д. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка (терминология правовой сферы). Киев, 2001.

Рустемов О. Д. Юридическая терминология крымскотатарского языка: эволюция развития, современное состояние, способы кодификации. Диссер... канд. филолог. наук, Киев, 2012.

Рустемов О. Д. Русско-украинско-крымскотатарский словарь юридических терминов. Симферополь, 2013.

Рустемов О. Д. Юридическая терминология крымскотатарского языка: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь, 2014.

Сейтягъев Н. С. Крымскотатарская историческая проза XV–XVIII вв.: монография. Симферополь, 2009.

Тарланов З. К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // **Историческая стилистика русского языка.** Межвузвозовский сборник научных трудов. Петрозаводск, 1990.

Тенишев Э. Р. Функционально-стилистическая характеристика древнейгулурского языка // **Социальная и функциональная дифференциация литературных языков.** Москва, 1989.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. П. Извлечения из персидских сочинений собранные Тизенгаузенем В. Г. и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Москва – Ленинград, 1941.

Тимерханов А. А. Язык деловых бумаг в современном татарском языке. Дис. док. филолог. наук. Казань, 2006.

Трофимович Т. Г. Современное состояние и перспективы развития исторической стилистики восточнославянских языков // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. Санкт-Петербург, 2007.

Резолюции, принятые Шестым Съездом депутатов рабочих, крестьян, Красной армии и Красного флота / İşçi, köçly, qъзыl ordu ve qъзыl flot deputatlarънынъ altъnъç siyezdi tarafъndan qabul olunan rezolytsijalar. 28 aprel – 5 maj 1929. Simferopol, 1929.

Торе Бігігі. Книга Законов. Армяно-кыпчакский судебник 1519–1594 гг. Кыпчакско-польская версия Армянского Судебника и Армяно-кыпчакский Процессуальный кодекс 1519–1594 гг. / Составители А. Н. Гаркавец, Г. Сапаргалиев. Алматы, 2003.

Топракъ Къануныны (توپراق قانونی) / Земельный кодекс РСФСР с коррективами для применения его по Кр. ССР утвержденными постановлением ВЦИК'а. 29. III. 23 г. Переведен на татарский язык переводческой коллегией при КР ЦИК'е. Симферополь, 1923.

Чобан-заде Бекир. Кырымтатар ильмий сарфы (Крымско-татарская научная грамматика). Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. / Подготовка к переизданию Н. Сейтягъев, А. Эмирова. Симферополь, 2003.

Эврак. Дело № 46. Копия переписи, а также поступающие бумаги от других учреждений в Дирекцию по Внешним Дела́м (Hariciye Müdürligi) Национальной Директории. 1918. ГААРК. Фонд Р-998, опись 1, № 46.

Эврак. Программа Дирекции по внешним делам (Hariciye Müdürlüğü) и правила, по которым она должна действовать. 1918. ГААРК. Фонд Р-998, опись 1, № 49.

Эврак. Дело № 198 Симферопольского мусульманского мирового суда, находящегося в ведении Дирекции Юстиции Крымскотатарской Национальной Директории. Содержание: заявления, протоколы и приговоры, рассмотренные судьей. 1918. ГААРК. Фонд Р-998, опись № 1.

Эврак. Дело № 205 Симферопольского суда “Бидает”, заявления, протоколы и приговоры рассмотренных дел. 1918. ГААРК. Фонд Р-998, опись № 1.

Abdu'l-Qadir M. Qavaid lisan-ı Türki. Bağçesaray, 1914.

Bekirov Z. Halq mahkemesi ve proqurorluq (Народный суд и прокуратура). Aqmescid, 1925.

Sarf-ı Türki. Lisanımızın qavaid ve imlâsını bildirir. Bağçesaray, 1909.

Kolodziejczyk, Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania (Ottoman Empire and Its Heritage). International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leyden-Boston, Brill, 2011.

Kurat, Akdes N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940.

Memetova E. Qırım tatar tiliniñü slübiyeti. Aqmescit, 2001.

Özyetgin, Melek. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına Ait Yarlık Ve Bitiklerin Dil Üslûp İncelemesi (inceleme-metin-tercüme-notlar-dizin-tıpkıbasım). Ankara, 1996.

Özyıdırım Işıl (İnce). Türk Yasa Dili // Hacettepe Ünivertiresi Edebiyat Fakültesi Dergisi. Cilt 16 / Sayı 1. Ankara, 1999.

Yaqubov M. Ehalı'ye huququ yardım. (“Юридическая помощь населению”). Симферополь, 1927.